

Эноб.

Куда делся секс?

Арина Холина

Эноб.

Куда делся секс?

Арина Холина

Издательство АСТ
Москва

УДК 396
ББК 88.323.1
Х71

Холина, Арина Игоревна

X71 Куда делся секс? / Арина Холина; кураторы серии Лика Кремер, Илья Данишевский. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 320 с. — (Ангедония. Проект Данишевского).

ISBN 978-5-17-093110-1

Когда «Сноб» напечатал первую колонку Арины Холиной, читатели расстроились: фу, пошлость! Прошли годы. Случились Крым и Сирия. Упали «боинг» и «аэробус». Взлетели евро и доллар. И оказалось: единственное, что волнует людей по-настоящему, — их тела. И как этим телам наладить отношения с другими телами. Людям не очень-то хочется знать про нефть. Они хотят знать, чего хочет женщина. И чего боится мужчина. И как между ними случается секс. И куда, наконец, он делся. Перед вами — книга Арины Холиной, главного секс-колумниста России.

УДК 396
ББК 88.323.1

ISBN 978-5-17-093110-1

© Проект «Сноб»
© Арина Холина, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Вы замечали, как сложно в наше время заняться сексом?

Если ты женщина — шансы еще есть. Бесплатно и почти с любым, кто тебе понравится. Как говорит один знакомый средних лет: «Вот вы женщины — вам проще. Если ты кому откровенно предложишь секс — за тобой радостно побегут, а я могу и по лицу огрести».

В том смысле, что почти все девушки играют в игру «я не такая». Ну, то есть она сексом не разбрасывается направо и налево, бережет для «особенного мужчины».

«Зачем?! — выла с похмельного утра одна приятельница. — Как я могла! В машине! Что он обо мне подумает?!»

«Мммм... — растерялась я. — Что ты свободная сексуальная женщина, которая умеет получать от жизни удовольствие?»

И не одна такая приятельница раскаивалась с утра о том, что с кем-то там переспала. У женщин так принято. Секс без доказательств того, что он от те-

бя без ума, — это плохо. Это падение. Он «получил от тебя что хотел» и уже не позвонит.

Вот смешно, что медицина ушла очень далеко вперед, — и теперь не надо беспокоиться ни о случайной беременности, ни о всяких заболеваниях. Но женщины все равно ведут себя так, словно секс — это пятно на репутации, стыд и общественное презрение пожизненно.

Не удивительно, что мужчине получить просто секс очень трудно. И он вступает на путь лицемерия, вранья, имитации чувств. А его за это еще и осуждают. И не факт, что секс все-таки случится раньше пятого свидания, — после ресторанов, цветов и сумки от Марка Джейкобса.

Тут, правда, надо еще понимать драматическую разницу между русскими девушками и европейскими. В среднем европейская женщина — это партнер. За нее не платят в ресторанах. Она не ждет подарков. Она ищет дружбу, сексуальные отношения, а не защитника, на которого всегда можно положиться. Она не ждет бесконечного восхищения, цветов, комплиментов двадцать раз на день. Поэтому западным мужчинам русские подруги кажутся чрезмерно требовательными.

Русские ищут не партнера, а партию — и желательно выгодную.

И секс, разумеется, становится предметом торга. Получишь, когда полюбишь. Или когда покажешь, что ты — «настоящий» мужчина, то есть зарекомендуешь себя как щедрый инвестор.

Правда, и европейки тоже не очень сексуальны. Они заняты карьерой, и это их главное удовольствие. Но, честно говоря, с мужчинами в последнее время все тоже не очень просто.

Мужчина как-то ослаб. Такое ощущение, что многие вполне довольны общением с фейсбуком, отношением с любимым порноресурсом, а настоящий секс с живой девушкой — это уже почти миф, и они счастливы, если удастся кого-то положить в кровать и просто раздеть. Мужчины словно разучились это делать.

У одной знакомой был любовник, который первые пару раз показал себя как практически импотент. Она уже собиралась его уволить, но неожиданно он разошелся. То есть вспомнил, что секс — это не просто вместе выпить, упасть в кровать и снять трусы (в лучшем случае), а гораздо большее. Но вспомнил, только когда ему объяснили, что дружба и пьянство — это, конечно, всегда хорошо, но если у него не стоит — это все не работает.

Такое происходит со многими мужчинами. Они даже говорят: «Мне надо получше узнать человека, я не

могу так сразу». На что хочется сказать: «Эй, все, что тебе надо обо мне знать, — у меня между ног! Мне не отношения нужны, очнись!»

Ощущение, будто ушел сексуальный заряд. Будто общество стало асексуальным.

Знакомые парни ездили на Кубу и вернулись оттуда ошеломленными. Потому что там все занимаются сексом. Причем без особенных прелюдий. Занимаются просто потому, что хотят — и никто их за это не осуждает. Даже в кубинских мюзиклах все занимаются сексом каждые пять минут. Ну, и поют, разумеется, в процессе.

Другие приятели познакомились на Кубе с русской девушкой (давно живет в Канаде), у которой местному любовнику (это он как раз снимает мюзиклы) — 74 года. Выглядит на 45, обожает секс. Говорит — орехи надо есть.

А белые европейцы все не наиграются со своей дурацкой нравственностью.

Такое впечатление, что мы живем в какой-то новой реальности, где жизнь имитируется. Интернет — это прекрасно, кто же спорит, но явно случилась подмена. И даже массмедиа подыгрывают, создавая продукт, который обесценивает значение секса. Сейчас мода в сериалах (вспомните хотя бы «Доктор Хаус»/House

M.D.) — там герой и героиня не могут переспать пять или шесть сезонов. То же самое и в сериале «Касл»/Castle. И в «Кости»/Bones. И в «Менталисте»/Mentalist. Да везде. Какие-то тантрические высокодуховные отношения как пример поведения.

В кино секса уже давно нет (разве что «Стыд»/Shame с Майклом Фассбендером). Музыка тоже вся не про секс. Никакого «Удовлетворения»/Satisfaction.

Вуди Аллен уже кажется порнушкой: в его фильмах все только и говорят что о сексе, изменяют друг другу, нарушают все эти правила морали и табу.

Такое ощущение, что с гормонами что-то случилось, честное слово. Хотя ведь некоторые ученые говорят, что у современных мужчин, действительно, заметно упал уровень тестостерона...

В «Острове Крым» Василий Аксенов описал, что в будущем девушки просто будут подходить к мужчинам и спрашивать: «Займемся сексом?» Возможно, оттуда, из 1979 года, на фоне сексуальной революции и прочего безумия вроде клуба «Студия 54», это казалось вполне реальной перспективой.

А оказалось утопией.

В реальном 2013 году люди, которые на самом деле хотят секса и настроены им заниматься, — ред-

кость. Если им, конечно, не двадцать четыре. Эти еще держатся кое-как за счет юного возраста.

Мы вдруг оказались в центре унылой асексуальной культуры, где все фотографируют еду и туфли. Может, конечно, еда и туфли — это новый секс?

А может, мы живем в то время, когда все так зациклены на самих себе, что секс с другими людьми просто не входит в круг интересов?

Или правы психиатры, и уже каждый второй страдает депрессией в той или иной форме? И такие витальные радости этому каждому второму ни к чему?

Но, понимаете, секс — это очень весело. Это и расслабляет, и освобождает, и дает удивительную позитивную энергию. И хорошие впечатления. И повод для разговора — причем не унылого, о каких-нибудь там политических или экологических катаклизмах, а возбуждающего и занятого.

К тому же, пусть и короткая, но бурная страсть, благодаря которой ты мгновенно забываешь все свои неприятности, — ну разве это не стоит того, чтобы выбраться из футляра (из фейсбука)?

Возраст отчаяния

Начинать нужно с того, что русских шокируют даже просто голые термы, куда все ходят без трусов.

Ну, объективно: ничего такого ни в мужских, ни в женских письках нет, чтобы прямо в обморок падать. Понятно, что включается неумеренное чувство стыда, хорошо приправленное подавленными желаниями, бла-бла-бла, спросите любого психолога.

Но дело не в этом, и речь не о стыде. А об отвращении.

Едва люди, с трудом прикрывая возбуждение ханжеством, представляют себе этот голый бадехауз, как тут же их осеняет, что никакого фейсконтроля там нет, — и любой человек, любого возраста может оказаться и в бане, и на голом пляже, и даже в секс-клубе. Даже старик. Даже восьмидесяти лет.

А в Германии, например, старики энергичные. Их много везде: и в термах, и на пляжах, и в клубах.

Центр Берлина, «Европа-центр», на крыше — бассейн, лужайка. Приходит пара лет семидесяти, они очень смуглые (немцы жарятся на солнце почище итальянцев), кожа в мелкую складку, у него причин-

дали до колен висят. Ты на них смотришь и вдруг вспоминаешь обрывки разговоров и выражение лиц твоих русских знакомых, которые считают старость уродством.

— Фу, какая гадость, обвисшие...

— А что будет с татуировкой через тридцать лет?..

— Смотреть противно...

В секс-клубах можно увидеть людей очень разного возраста. Причем те, кому за шестьдесят, выглядят даже более стильно, чем молодые. Седой мужчина в черных шортах и белом галстуке-бабочке на голом торсе. Он, кстати, в отличной форме — тут вообще принято следить за собой, ходить в спортзал, бегать, плавать.

А к моему другу в Москве в самых обычных клубах подходят, спрашивают, сколько ему лет, восторгаются, что в пятьдесят девять он не спит ночью, а танцует, развлекается.

В любом клубе где угодно, от Берлина до Лондона, ты увидишь людей старше пятидесяти. На концертах, просто на танцах, в барах с музыкой или без нее.

Здесь другое представление о возрасте активности. Если кому-то хочется в семьдесят лет пойти на фестиваль и услышать Arctic Monkeys или выпить

в баре Mobil Olaf, на него не будут смотреть как на диво дивное.

Везде, кроме Москвы. Тут какая-то возрастная самоцензура. Если тебе сорок лет, ты уже скорее торчишь в ресторане «Дом 12», чем в клубе «Родня».

У нас, как у многих развивающихся стран, нет культуры возраста.

Больше всего унижений достается, конечно, женщинам — это прекрасное оскорбление «молодится».

На берлинском пляже я заметила женщину с ребенком. Непонятного возраста. От пятидесяти до шестидесяти. Выглядела она отлично. Накачанное тело, татуировка на всю руку, хорошая стрижка, белый купальник. Но она смотрелась классно не в том смысле, что выглядела молодо. И неопределенность ее возраста была не в том, что она издалека могла сойти за двадцатипятилетнюю. А в том, что она была очень стильной, и ей, судя по всему, в голову не приходило ухаживать за собой так, как это делают истерические дамочки, которые плотно сидят на ботоксе и мезотерапии. Потом оказалось, что это лесбийская семья — пришла ее партнерша.

Эта женщина определенно не «молодилась», но ее стиль ничем не отличался от стиля людей, которым нет тридцати.

В Европе на улицах замечаешь куда больше пожилых дам с открытыми руками. В естественных морщинах на лице — и при этом с пирсингом и панковскими прическами. Многие открывают ноги, не стесняясь уже сухой кожи. Все знают Патрисию Филд, стилиста «Секса в большом городе», и никак не могут справиться с тем, что в семьдесят четыре она носит юбки, которые едва прикрывают трусы.

Дело в том, что в развитом мире уже нет этой привычки испытывать отвращение к старости. К старым телам. К старым обнаженным половым признакам.

В Москве девушки толпами паникуют уже в двадцать восемь, если у них вокруг глаз морщинки. Бегут к врачам, покупают дорогие возрастные кремы. У нас это большая индустрия женских страданий — борьба со старением, часто мнимым.

Но главное, что, переходя из одной возрастной группы в другую (ну, там 21–28, 29–35), люди меняют свою жизнь. И происходит это по умолчанию: они просто сбавляют темп, стесняются идти на танцы или прыгать на выступлении Muse. «Я слишком стар для этого».

Даже в спортивных залах не видно пожилых людей. А в той же Германии в любом спортклубе их добрая половина. У людей не пропадает инте-

рес к жизни и к своему телу. В танцевальных клубах (тех, где учатся, например, танго) очень много людей за шестьдесят. Они активны. Они занимаются спортом, сексом, слушают музыку, наслаждаются собой.

Моя берлинская подруга почти семидесяти лет может так зажечь, с танцами чуть ли не на столах, что знакомые лет сорока из Москвы не идут с ней ни в какое сравнение.

Слово «молодежный» там давно исчезло из лексикона. Ему нечего больше определять. Ни стиль, ни места, ни журналы.

Это только в России можно услышать, что какие-то тряпки больше подходят молодой девушке. Или что мужчина «молодится» — это если он носит что-то чуть менее формальное, чем классический костюм.

Здесь как будто нарочно кастрируют возраст активности, выгоняют «стариков» за черту тех развлечений, которых достойны только юные и свежие. Им же «противно смотреть» на людей, которые всего лишь состарились. Или стареют.

Смешно. Тот самый момент, когда трагедия выглядит как фарс. В смысле, что страх «старости» (это лет тридцать пять, наверное) делает людей нелепыми. В наши дни.